

Кира Грозная

КУДРЯШКА

ЛИМБУС ПРЕСС
Санкт-Петербург

Предисловие

Грозная – фамилия молодой писательницы по мужу. Но если бы ей захотелось взять псевдоним, то лучшего не придумаешь! Такой уж характер у героини (да, похоже, и у автора): тем, кто ее обидел, вряд ли поздоровится.

Героиня первой повести «Духовный наставник» начинает свой путь робкой выпускницей психологического факультета, попавшей в «ментовку» по женитьбе, вслед за мужем. Но вскоре крутые опера, обжегшись, начинают ее уважать и даже бояться! Ведь от выданных ею точных психологических характеристик зависит их карьера, и поблажек она никому не дает – хотя при этом вполне ладит и даже дружит с наиболее грозными из них. И себе в «наставники» она выбирает именно такого: самого опытного «на тропе войны» и милицейской службы, но при этом нарушающего многие правила мирной жизни.

Знакомство «наставника» героини с ее мужем начинается с жестокой драки: только проведя «разведку боем», они признают друг друга. И вот в таком жестком мире (а вряд ли мягкие пригодны для этой профессии, честно говоря) наша героиня обустроивается вполне уютно, характеризует всех метко и весело, справляется, что поразительно, и с теми ситуациями, где бы

даже мужик спасовал, делает карьеру и выходит в преподавателем милицейского вуза.

Повествование увлекательно, слегка авантюрно, порой балансирует *на грани*, но только так и можно что-то сделать в жизни: не топтаться на месте, а смело двигаться вперёд. Да, героиня многому научилась от своего «духовного наставника», но и сама «расцвела». Мы восхищаемся её решительностью (если делать лишь то, что разрешено, – «замёрзнешь»), её умом, и даже лукавством, и – что скрывать? – всё нарастающей женской привлекательностью: её-то прятать зачем? И кому не нравится про это читать?

Что же касается реализма, то я в этой повести впервые увидел *реальную* жизнь милиции (ставшей по ходу повести *полицией*, что, оказывается, совсем не одно и то же). Множество потрясающих, увлекательных, уморительных эпизодов! Повесть читается без отрыва, хотя в ней нет ни одной перестрелки и погони, которые в действительности если и присутствуют, то составляют сотую долю процента милицейских будней.

И к этой насыщенной и выматывающей все силы реальности плюсятся ещё и домашние проблемы, получившие отражение во второй повести «Кудряшка», давшей название книге. Как всё это выдержит героиня Вика? Мы уже привязались к ней, напереживались – и не хотим расставаться. А к ней после всех тягот молодой мамы, уже вытнувшей первого ребенка, приходит беда: второй сын рождается аутистом! Он если и связан с близкими, то как-то загадочно; эту ниточку связи надо отыскивать и, пусть даже из последних сил, поддерживать. И страдать: возьмут ли Павлика (он же – Кудряшка) хотя бы в школу для «особых детей» – или даже туда не возьмут? И что ей

делать тогда – бросить всё и превратиться в няньку? Но Вика только и распробовала по-настоящему жизнь.

Не буду перечислять всех страданий и радостей героини (уверен, с глубоким сопереживанием прочтёте сами). Читателям предстоит вместе с ней пройти все виражи тяжелейшей, но героической жизни и ещё много раз восхититься её мужеством, изобретательностью и, что самое поразительное, борьбой за свободу и сохранение личности – в этих тисках!

Как и в «Наставнике», в «Кудряшке» поражает точнейшая, порой беспощадная (с точки зрения снобов и чистюль) панорама реальной жизни, «непрестижных» многоэтажек, какими наш город всё «прирастает и прирастает», с населением весьма непрезентабельным, а порой и опасным. Мало кто, как Грозная, бесстрашно пишет про это – притом с такой реальностью справляясь.

Бесстрашная весёлость – вот что больше всего привлекает в героине. Два самых главных её помощника (обитающих тут, рядом, а других не нашлось) – это верный, но опасный полукриминальный азербайджанец Самир и тут же – армянка Ляля, спасшаяся из Баку и тоже весьма озлобившаяся. И именно они бесстрашной и весёлой, никогда не сдающейся героиней (делающей при всём этом всё, что ей нужно, и это восхищает) приспособлены в «няньки» к больному сыну – и оба этих весьма опасных друга очень трогательно ведут себя с ним.

Теперь у всех, включая Вику и её (непутевого поначалу) мужа, – общая святая миссия: Павлик, Кудряшка.

Читая Грозную, будто слышишь язык, которым разговаривают теперь, ужасаешься грубостью – и поражаешься точностью новых слов. Близо, в упор, видит Кира Грозная

«горячие точки» современного мегаполиса. Жизнь опасна, и об этом надо знать.

Такого точного и смелого писателя, как Кира Грозная, причём именно «2019 года разлива», надо ещё поискать. Но зачем, собственно, искать – если она уже есть? Она, с ещё несколькими талантливыми петербургскими писателями её возраста образуют яркое, не похожее на все бывшие, новое литературное поколение, проверяющее жизнь на себе, поражающее нас порой шокирующими, но абсолютно реальными «селфи». Этих «лидеров нового литературного поколения» нужно не «держат в запасниках», а читать и изучать в университетах – с восторгом, а порой и ужасом, с каким и воспринимается всё новое.

*Лауреат Государственной премии РФ,
председатель Союза писателей Санкт-Петербурга,
член Союза кинематографистов
Валерий Попов*

ДУХОВНЫЙ НАСТАВНИК

Повесть

Глава 1

ВИК И ГРИШКА

В девяносто седьмом году, окончив вуз и получив диплом психолога, я пришла служить в милицию. Причина проста: в то время безработных психологов, не имеющих опыта, в Питере было гораздо больше, чем вакансий. Мои вчерашние сокурсницы торговали канцтоварами и книгами, устраивались нянями к чужим детям, размахивали какими-то листовками на выходе из метро, а две девушки из соседнего потока даже ушли в монастырь.

Поэтому, как только мама заявила, что нашла мне «и работу, и мужа» – подразумевая молодого опера, который помогал мне устроиться на работу, – я, почти не пререкаясь, согласилась пройти собеседование. Второй пункт, касающийся замужества, решила проигнорировать. Выходить замуж «по сватовству», вдобавок по маминой указке, – это перебор даже для выпускницы «женского» вуза. Да и не собиралась я замуж! Но позвонить «жениху» всё-таки пришлось: вся информация, все козыри были у него. В Северо-Западном управлении милиции на транспорте, как сообщил мне этот опер, создавалась психологическая служба при отделе кадров и для неё искали руководителя.

Я прошла кучу проверок и военно-врачебную комиссию, и началась моя стажировка в отделе кадров.

До меня в кадрах работало всего четыре женщины. Только одна из них, Рита Чиж (сейчас она – известный экстрасенс), оказалась моих лет. Остальные дамы были в возрасте: от пятидесяти до семидесяти. Все сотрудники (кроме Риты) встретили меня тепло. Мужчины отдела по трое-четверо сходились в мой кабинет знакомиться.

Гришка Стороженко тоже пришёл. В отличие от других одет он был «по гражданке»: зелёный пиджак, бежевые брюки и жёлтые мокасины. Его тёмно-русые волосы отличали рыжиной, больше всего «цвет бестии» ударял в аккуратно подстриженную бородку. Карие, немного навывкате глаза, еле заметные веснушки на переносице, нос с горбинкой. Странное впечатление он производил. Аристократичный, слегка помятый. Выражение лица – нарочито простодушное и в то же время с хитрецей. И не знаешь, чего от него ждать.

– Григорий Николаевич Стороженко, – представился он. И, протягивая руку, добавил: – Для друзей – Гриша.

– Виктория Сергеевна Громова, – проговорила я, отвечая на рукопожатие. – Можно просто Вика.

Я всегда обращаю внимание на мужские руки. Гришкина рука была крепкой и ухоженной. Не рабочая, но и не артистическая кисть, аккуратно подстриженные ногти, рыжие конопушки на тыльной стороне ладони.

Я была в кабинете одна. Гришка достал «из широких штанин» поллитровку «Ладоги» и ломоть копчёной колбасы.

– Давай пить, – велел он.

Помню свой шок: такое знакомство – да ещё в милиции! Ничего себе...

– Спасибо, не хочу, – вежливо отказалась я. А внутренне трусливо сжалась, соображая: что может за этим последовать?

Гришка тем временем извлёк откуда-то две стопки и невозмутимо разлил водку.

– Я ведь не наезжаю на тебя за то, что ты не проставилась, придя в коллектив, – сказал он. – Так что пей и не выделывайся.

Пришлось выпить.

– Итак, познакомимся как следует, – начал Гришка и вдруг широко улыбнулся. – Я тут в кадрах незаменимый работник. Скоро сама в этом убедишься... Что ещё? Жена у меня есть. Нинка, бизнесвумен. Но девчонок люблю опекать!

Я не выдержала и тоже улыбнулась. Как-то он располагал к себе.

– А дети у вас есть? – поинтересовалась я.

– А как же! – Гришка прямо расцвел. – У меня пацан... Забавный такой! Ну, давай за детей – настоящих и будущих!

Мы чокнулись и выпили. Я поморщилась.

– Кстати, а тот опер, который просил за тебя, – он кто? – спросил Гришка. – Парень твой?

Лёшка! Я, наверное, покраснела. Лёшка выполнил обещание, данное моей маме, с которой был едва знаком. Позвонил, кому надо, и нашёл мне место. Да, за такого можно и замуж!

– Я его переадресовал к нашему шефу, – продолжал Гришка. – И вот ты сидишь! Наш новый психолог...

– Ага. Старший психолог.

– Молодец, – отозвался Гришка. – Но всё-таки главный психолог тут – я.

– А где вы учились?

– Меня жизнь учила. Тебе сколько лет?

– Двадцать два. А вам?

– А сколько бы ты мне дала? – кокетливо спросил Гришка.

– Пятьдесят, – отвечала я не моргнув глазом.

– Ну-у, я так не играю, – расстроился Гришка. – Мне тридцать семь...

Тоже много! Однако я извинилась за свою ошибку.

– Принято, – Гришка опять наполнил стопки. – Короче, Вик, слушай сюда...

Так Гришка с ходу определил стиль нашего общения: приятельский, пацанский. Для него я с первой минуты стала не Викой, а Виком. Мне понравилось, как он произнёс моё обновлённое имя: панибратски, задиристо, летуче – Вик.

Гришка положил на стол листок бумаги и достал из кармана пиджака ручку.

– Смотри, – он пододвинул листок ко мне, – вот структура Северо-Западного УВД на транспорте. Со-кращённо – СЗУВДТ. Мы не относимся к питерскому ГУВД. В нашей сфере обслуживания – вокзалы, аэропорты, морские и речные порты... Весь северо-запад страны! Помимо Санкт-Петербурга, огромная территория – от Великих Лук до Мурманска. А также вся железка... то есть Октябрьская железная дорога. И на каждом вокзале, в каждом аэропорту, на каждой крупной железнодорожной станции есть линейные отделы...

Полтора часа Гришка объяснял мне, где размещаются эти линейные отделы (или ЛОВД), каковы их задачи, кто ими руководит. Для Гришки все начальники, подполков-

ники и полковники, были Колями, Жеками и Димонами. Имели характеристики: «трепло», «чистоплюй», «настоящий мужик».

Я узнала, например, что начальника отдела в аэропорту Пулково называют Герой, потому что он действительно Герой Советского Союза. И что наш Сам Самыч, генерал, – человек-легенда: милиционеров запоминает по именам, даёт им премии, квартиры. Я узнала, к кому могу обращаться, если проблемы возникнут, а от кого лучше держаться в стороне.

Надо отдать Гришке должное: его «путеводителем» я пользовалась много лет.

– Ну что? Всё уяснила? – спросил Гришка.

– Кажется, всё. Если забуду, ты напомнишь.

Я как-то органично перешла на «ты», хотя у меня были с этим проблемы. На «ты» со взрослым! Моё инфантильное существо противилось. Впрочем, Гришка – это другое дело.

– Ладно, тогда подъём. – Гришка встал и галантно протянул мне руку.

Я поднялась. Наши лица оказались вровень. «Сейчас приставать начнёт», – подумала я.

Не угадала.

– Пошли покурим. С людьми пообщаемся. Тебе надо идти в народ, а не сидеть в своём кабинете. Ну, думаю, впишешься, девочка ты способная.

На лестнице висел густой дым. Я достала сигареты Voque. Гришка поднёс зажигалку.

– Ты хорошо разбираешься в людях. – Я уже пыталась говорить с ним на равных!

Тут бы Гришке поставить на место пигалицу. Впрочем, как я убедилась позже, понты были ему чужды.

– Я просто давно служу. К тому же многих знаю по Чечне.

– Гриша, а тебе приходилось убивать людей? – осмелилась спросить я.

И почти испугалась собственной дерзости. Однако Гришкино лицо оставалось безмятежным.

– А то! – самодовольно произнёс он. – Бывает, отстреляешься, облако развеется – видишь, трупы лежат. Твоих рук дело или соседа – не разберёшь там, на войне.

Да, Гришка произвёл на меня сильное впечатление! Он был поинтереснее моих студенческих друзей. Наверное, если бы не Лёшка, я бы...

Что за чушь, одёрнула я себя.

С Лёшкой, который по просьбе мамы нашёл мне работу, у нас всё потихоньку двигалось к свадьбе. Весна и лето были для меня периодом щенячьей влюблённости. Мы ходили по городу обнявшись, целовались на каждом углу и поочерёдно повторяли фразу из американской комедии «Горячие головы»:

– Ах, Покойник, мы с тобой так счастливы! Люди просто не бывают так счастливы.

Роман с Лёшкой не особо активно задействовал когнитивные функции, не развивал духовно и уж никак не побуждал к карьерному росту. Мы только и делали, что занимались любовью и цитировали дурацкие фразы из фильмов. Это были в основном комедии с Лесли Нильсоном про тупого полицейского. И – упс! – порнофильмы с Рокко Сиффредди.

Лёшка считал себя похожим на Рокко. Подражая Рокко, он носил кудрявую чёлку на бок. Список Лёшкиных девушек, с его слов, достиг ста пятидесяти, но до меня

он ни к одной не относился серьёзно. Я гордилась своим «трофеем» и была счастлива.

Когда началась моя служба, страсть не утихла, и в управление я приходила сонная, вялая.

– Ты по ночам чёрт знает чем занимаешься, вот и соображаешь плохо, – замечал Гришка. – Интимная жизнь не должна мешать работе. Бери пример с меня!

– У тебя вся шея в засосах, – огрызалась я. Гришка довольно смеялся (у него это получалось дебиловато, с высунутым кончиком языка и прищуренными глазами).

Да, работа Гришки не страдала от его амурных дел! Несмотря на внешнюю Гришкину легковесность и даже раздолбайство, его в кадрах ценили – за опыт, за связи, за введливость. Ни одной справки не пропустит, не проверив. Гришка ездил по дальним подразделениям – в Псков, в Мурманск, в Петрозаводск. «На линии» у него была слава дотошного проверяющего.

Иногда Гришка и меня брал с собой – чтобы училась. В подразделениях управленцев встречали накрытым столом, а то и баней, зазывали на охоту и на рыбалку, соблазняли шашлыками и ухой. Дохлый номер: Гришка по приезду требовал всю документацию и дня два тратил на изучение толстых папок. Приём на службу, увольнения, работа с советом ветеранов, «секретка», наставничество... Особенно почему-то его интересовали суды чести. В отделах кадров, где это направление работы не было развито, Гришка сам его налаживал. Зато после его визитов никого не наказывали: недостатки он находил, но всегда писал, что они устранены в ходе проверки. И это правда.

В моей же деятельности «косяков» хватало. Однажды я получила телетайп из дежурной части, вбила данные в справку да отправила её в Москву. Там была графа

«Утрачено табельного оружия (штук)» – и напротив размазанная цифра. Потом выяснилось, что это ноль. А мне показалось – восьмёрка...

После моей справки к нам проверка из Москвы чуть было не нагрязнула! Добрейший начальник отдела кадров, Сергей Петрович Фокин, в первый и последний раз на меня голос повысил. Даже Сам Самыч заинтересовался моей персоной!

– Ой, уморила! Отправила нас в «негативный обзор» и лишила премий ко Дню милиции, – веселился (хотя следовало плакать) мой сосед по кабинету, Стасик из Барнаула. Мы звали его так, потому что Стасик часто восклицал: «Меня советская милиция из Барнаула вытащила!» – и хлопал ладонью по столу.

– Десять «волын» за неделю утрачено, ха-ха-ха, – мелодично смеялась Рита Чиж. Видимо, мечтала, чтобы мне выговор объявили, а тут до него рукой подать!

Гришка не смеялся. Он меня отмазал – в московском ведомстве сидел его кореш, – однако позже устроил выволочку. Дескать, голову надо включать, когда работаешь с документами (в этом месте Гришка поднимал вверх указательный палец), чтобы таких ляпсусов больше не было, – а иначе какой из тебя психолог?

Я болезненно пережила свой первый серьёзный прокол. И с тех пор действительно стала внимательнее.

Глава 2

БУДНИ МОЛОДОГО СПЕЦИАЛИСТА

Освоившись на новом месте, я решила провести тестирование в коллективе. Изучить личностные качества, написать заключения с прогнозами. В общем, запустить «пробный шар», показать себя. Добрейший Сергей Петрович поддержал меня и дал сотрудникам указание относиться к исследованию серьёзно.

Я приготовила батарею длинных многошкальных тестов. Но хотелось как-то разрядить обстановку – и я придумала, как этого добиться.

Есть такой тест Розенцвейга, с картинками. На них изображены сценки из жизни, показывающие её различные стороны – на работе, на отдыхе, дома. В каждой сценке два активных персонажа. Один из них произносит реплику. Испытуемый – второй персонаж. К нему пририсован пузырь без текста, и его задача – ответить первому. Оценивается адекватность, коммуникабельность, агрессивность... да много что.

Большинство ситуаций были профессиональные, но редко встречались такие, которые подошли бы моим подопечным. Например: «Я знаю, что ты собрался на рыбалку, но подежурь-ка за меня, приятель!». Что ответить? Большинство ментов, как я догадывалась, пошлют абонента подальше.

Недолго думая, я изготовила карточки с собственными рисунками. Все ситуации на картинках – из жизни ментов.

Например, милиционер в дежурной части получает по телефону ориентировку об убийстве, а к нему подходит

старушка и говорит: «Сынок, у меня сумочку отняли...» (Реплика – ответ старушке.) Или – стоят в строю милиционеры, один из них грязный и оборванный, с подбитым глазом. Перед строем офицер, который говорит оборвышу: «Я знаю, Морковкин, что вы обезвредили опасного преступника, но это не даёт вам права являться на развод в таком виде!» (Ответ Морковкина начальнику.) И всё в таком духе.

Мои картинки вызвали восторг у милиционеров. Особенно им приглянулся Морковкин. Пришлось выпускать целую серию «комиксов», посвящённых этому герою.

Наконец дошла очередь до Гришки. Он тоже пришёл тестироваться.

Гришка лениво просмотрел карточки и поинтересовался: кто такое выдумал? Пришлось рассказать ему про Розенцвейга.

– А эти ситуации – моя выдумка, – похвасталась я.

– А у Розеншвайга – хуже?

Я улыбнулась. И Гришкина неосведомлённость в отношении психологических методик, и то, как он смешно переврал фамилию создателя теста, вызывали умиление.

– Нет, не хуже. Там показаны ситуации не из нашей жизни, – снисходительно объяснила я.

– Но ведь, предлагая милиционеру разрешить служебный конфликт, ты прямо-таки заставляешь его отвечать неискренне! Я, например, в форме никогда не отвечу искренне. А в другой ситуации – могу взять да ляпнуть. Поняла теперь?

Я помолчала, сбита с толку. Потом промямлила:

– Ты хочешь сказать, что...

– Я хочу сказать, что тебе лучше использовать картинки Розен... как его... Розенкранца. Наверное, они

подходят людям любой профессии. Да и зачем мудрить, что-то придумывать, рисовать, если уже есть проверенная методика. Ведь так?

– Так, – пробормотала я.

Гришка меня попросту заткнул за пояс! И сказать больше нечего.

– Ладно, девочка, – Гришка встал из-за стола, надел свою неизменную кепку, – впиши за меня мои реплики, а то мне некогда. До завтра!

И он вышел, аккуратно прикрыв дверь. Я осталась сидеть, разглядывая картинки...

Конечно, мы с Гришкой не всегда вели серьёзные разговоры. Случалось, что просто валяли дурака.

В соседнем кабинете сидели двое со смешными фамилиями: Куманец и Скорохват. Оба были старшими инспекторами кадров по ОП (то есть «особым поручениям»). Саня Куманец, тощий, остроносый, с веснушками и глазками-бусинками, напоминал моего героя Морковкина. Лёха Скорохват, тучный и хамоватый, был алкоголик. Никакими средствами воздействия Сергею Петровичу не удавалось заставить его являться на работу трезвым.

Сидя за стенкой от них, я нередко слышала, как соседи ругались. Тщедушный Куманец разговаривал басом, произнося фразы степенно и выдержанно, а огромный Скорохват вторил визгливым бабьим голосом и так частил, что слов не разберёшь. Впрочем, я и не вслушивалась.

Однажды Гришка зашёл ко мне поиграть в Doom на стареньком компьютере. Мой сосед, Стасик из Барнаула, отсутствовал. Мы резались в компьютерную игру, по стеклу шаркал дождь, в магнитоле пел Джо Дассен. Мне

было тепло и уютно с Гришкой. А потом расшумелись соседи, причём Скорохват верещал так пронзительно, что раздражение достигло верхней планки.

– Заткнулся бы ты, хряк, – пожелал Гришка стене, отделявшей нас от соседей. – А то Куманца плохо слышно.

– Скорохват, заткни свой рот, – подхватила я. – Куманец – наоборот!

– Здорово! – похвалил меня Гришка. И, открыв в «Лексиконе» новый файл, набрал моё двестишье. – Ещё давай!

– Куманец – молодец, – выдала я без паузы. – Скорохват – дегенерат.

– Ну, ты талантище! – поразился Гришка. – А ещё будут?

Тут-то меня и прорвало:

– На Лёху Скорохвата нельзя смотреть без мата! А Саня Куманец – талантливый подлец!

Гришка только успевал печатать.

Толстозадый Скорохват
Тихо пятится назад.
Куманец всегда вперёд
Резвой поступью идёт!

Куманец, худой, как ветка,
Пьёт по праздникам и редко.
Скорохват из Главжиртреста –
Из другого, братцы, теста!

Если хочешь быть отцом,
Не шути над Куманцом.
Не шути над Скорохватом,
Если хочешь быть женатым!

И всё в таком ключе.

– Отлично, – сказал Гришка, доставая из принтера распечатанный листок. – Возьму на память!

Потом попили чаю, ещё раз сыграли в Doom.

– Кстати, рабочий день закончился, – порадовал меня Гришка.

Мы вышли из кабинета. Пока я возилась с ключом, Гришка элегантно просунул «плод совместного творчества» под дверь соседям!

– А теперь бежим, – подтолкнул он меня.

Я даже испугаться не успела. Ну, Гришка! Мы буквально скатились по лестнице и впрыгнули в отходящий троллейбус. Гришка был горд и весел, как школьник, подпивший ножку учительского стула.

На следующее утро, отперев дверь своего кабинета, я нашла на полу записку с текстом:

Вот подходит Куманец –
Шутникам пришёл конец!

Я мгновенно заперлась изнутри – и вовремя: кто-то уже дёргал дверную ручку! А по улице, направляясь к нашей проходной, неспешно шёл мой рыжий друг. Увидев в окне меня с перекошенной от испуга физиономией (я посылая отчаянные сигналы, для убедительности даже провела по горлу ребром ладони), Гришка улыбнулся, помахал рукой и заторопился. Вскоре из-за стенки донеслись ропот, бубнёж, пререкания, потом из этого многоголосия выделился весёлый Гришкин голос – и вдруг они все вместе захохотали! Мне сразу стало спокойно и так хорошо на душе...

Начинался неожиданно тёплый октябрьский день. И вся жизнь была впереди!

НАСТОЯЩАЯ ЛЕДИ

Конечно, я делилась с Алексеем всем, что происходило на службе. Он сочувствовал моим неприятностям и радовался маленьким успехам. Правда, дружба невесты с каким-то Гришкой, казалось, слегка его напрягала.

– Давай я вас познакомлю, – предлагала я. – Гришка, знаешь, какой классный. Он тебе о Чечне расскажет.

Лёшка урюмо отмалчивался.

Однажды он зашёл за мной в управление. Посидел в моём кабинете, поздоровался за руку с вошедшим начальником. Сурово покосился на заглянувшего и тут же слинявшего Гришку.

– Ну, как тебе мой жених? – нетерпеливо расспрашивала я Гришку на следующий день.

– Он мне не понравился, – спокойно отвечивал Гришка.

– Почему это? – возмутилась я.

– Потому что в каждой паре один любит, а другой – позволяет себя любить. Я думал, что ты, как умная девочка, позволяешь себя любить. Но ошибался.

– У нас с Лёшкой всё на равных! – запальчиво воскликнула я.

Гришка невозмутимо пожал плечами:

– Так не бывает. Поверь человеку, который прожил жизнь. Твой парень – красавчик. На таких, как он, девки виснут. Ты же, Вик, извини, – милая простушка. Ваш брак быстро рухнет, и тогда не говори, что я тебя не предупреждал.

Я рассердилась на Гришку за эти слова и потом ещё два дня дулась.

Впоследствии оказалось, что Гришка был неправ. Время всё расставило по своим местам. И Алексей теперь – не такой уж красавчик, и я – давно не «милая» и не «простушка». Что же касается нашего брака, то он существует до сих пор.

Утром, подбегая к управлению с опозданием на пятнадцать минут, я наткнулась на Гришку, вылетающего из дверей. Он торопливо махнул мне рукой и сел в служебную машину с водителем и мигалкой. Проводив его взглядом, я поспешила на своё рабочее место.

– У Гришки отец умер, – сообщил мне Стасик из Барнаула.

КОНЕЦ ОЗНАКОМИТЕЛЬНОГО ФРАГМЕНТА